ЛИКИ ВЕЛИКИХ

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ИЗ СМИЛОВИЧЕЙ В ПАРИЖСКИЕ САЛОНЫ

ХАИМ СУТИН

ЖИВОПИСЬ
ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «АЛЬЯНС»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Лики великих» – это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства – эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства. Французский художник «Парижской школы», Хаим Сутин (1893 – 1943) родился в многодетной еврейской семье, в белорусском местечке Смиловичи. Живопись становится его призванием, преодолев множество преград, он пробирается в Париж, где нищенствуя и порой голодая, он изучает искусство. Лувр стал его настоящим университетом. Работы Сутина находятся в лучших музеях мира. Иллюстрации Александра Штейнберга.

- Елена Мищенко
  -
  - СМИЛОВИЧИ. ВЫБОР ПУТИ
  - МИНСК – ВИЛЬНЮС – ПАРИЖ
  - ПРАВО НА СТРАННОСТИ
  - ЛЮБИТЕЛЬ «ХОРОШИХ МАНЕР»
  - ВДАЛИ ОТ ПАРИЖА
  - Другие книги серии «Лики великих»
  - Об авторах

Елена Мищенко
Александр Штейнберг

ИЗ СМИЛОВИЧЕИ – В ПАРИЖСКИЕ САЛОНЫ
Хаим Сутин (Chaim Sutin)

Давно отгремели залпы второй мировой войны. Миллионы погибших остались на полях сражений. Никогда не забудутся ужасы, которые принес немецкий фашизм: Майданек, Бухенвальд, Бабий Яр… Шесть миллионов евреев было уничтожено. Разрушены города, центры культуры. Памятники, простоявшие многие века в Европе, были искарежены и уничтожены войной.

Во время войны люди мало внимания уделяли искусству. Когда гремят пушки, музы молчат. Однако война закончилась, и постепенно начали поднимать голову деятели искусства, восстанавливались города.

Следует отметить, что война пощадила Париж значительно больше, чем другие города Европы, однако оставила тяжелый отпечаток в душах французов.

7 июня 1947 года состоялось открытие Музея современного искусства. Это здание, запроектированное архитекторами Донделем и Обером, – типичный образец французской архитектуры 30-х годов. В 50 залах размещаются произведения художников двадцатого века: четыре тысячи картин и полторы тысячи скульптур.

Среди художников, удостоенных чести быть выставленными, – Шагал, Утрилло, Дюфи, Матисс, Руо. В музее расположилось также уникальное собрание работ интереснейшего художника двадцатого века, выходца из маленького еврейского местечка, Хаима Сутина. Он принадлежал к когорте талантливых молодых евреев, не имевших права жительства в крупных городах России, ему, как говорил Натан Альтман, «легче было приехать в Париж, чем добиться разрешения жить за чертой оседлости». Вот он и оказался в Париже, в многоязычной среде художников, скульпторов, поэтов, среди парижской богемы, связав свою судьбу со многими талантливыми художниками – основателями новых направлений современного искусства.

СМИЛОВИЧИ. ВЫБОР ПУТИ

Хаим Сутин родился в 1893 году в небольшом местечке Смиловичи, неподалеку от Минска, в полуразрушенной деревянной хате, с маленькими окошечками, выходящими в лес. Хата была обнесена разваливающимся забором, вокруг которого росли дикие яблони, вишни, сливы. Летом детвора срывала плоды деревьев, объедалась ими – это была единственная, доступная им еда. В придорожной пыли купались куры, а осенью дожди превращали дороги в грязное месиво.

Смиловичи находились в изоляции от остального мира, и жизнь там текла по собственным законам. Туда не проникала никакая информация, никто не знал о том, что происходит в соседних губерниях, не говоря уже о мировых событиях.

Отец Хаима был портным, он мастерил нехитрые одежды, в основном перешивая старье. Главная задача была – выжить и прокормить одиннадцать детей. Хаим, самый младший и болезненный, был вечно голодным.

Иногда, летом или осенью, он убегал в леса и поля, прихватив с собой картофелину, кусок сахара и ломоть черного, непропеченного хлеба. Это был настоящий праздник для него. Мальчик был наедине с величием природы, и никто не мог отобрать у него это богатство.

Он не любил свой дом – его там частенько били, лишь голод приводил его туда. В маленьком полутемном помещении школы – так называлась тесная комната, в которой сидели грязные полуголодные дети, ему было немного лучше, чем дома – интересно было слушать, что говорит ребе, но и в школе его частенько колотили.

Мать была добрее отца, но, загнанная жизнью, она часто срывала злость на Хаиме, хотя, жалея и раскаиваясь, ночью целовала его. Прокормить одиннадцать детей и двоих взрослых ей было не под силу. Она, не выдержав жизненных испытаний, слегла и умерла, не будучи и сорока лет, оставив сиротами многочисленное потомство.

Хаим, желая уйти от страшной действительности, создавал свой мир, наполненный волшебными образами. В детстве на него огромное впечатление произвел еженедельный шабат. Он любовался старинным семисвечником, украшенным изображениями птиц и зверей, тенями на стене от зажженных свечей, его завораживали монотонные молитвы и покачивание из стороны в сторону, ритуальные песни и танцы. Маленький Хаим впитывал в себя всю эту атмосферу. Как потом, во взрослой жизни

художника, ему это пригодилось! Он покорил мир своим непосредственным, детским восприятием действительности, своими наивными, точными рисунками.

В детстве Хаим рисовал, используя любой чистый кусочек бумаги. Рисовал мелом, углем, обожженной палочкой. Отец считал это баловством и требовал, чтобы Хаим помогал ему в шитье. Особенно трудно было зимой, когда некуда было удрать – ни в леса, ни в луга, и вся огромная семья собиралась в одной комнате. Топить было нечем. Тепло поддерживали дыханием. Хаим сидел на скамейке возле стола и шил при тусклом свете керосиновой лампы, слушая нескончаемые разговоры взрослых о том, как прокормить столько голодных ртов, как полицейские били евреев на воскресном базаре, о том, что в соседнем селе был погром.

Почему? – задавался вопросами мальчик. Почему евреев бьют? За что они несут наказание? Это было невозможно понять, это вселяло страх.

С этими вопросами он шел к единственному человеку, который его понимал и с которым он мог говорить – к деревенскому ребе, который заметил в мальчике способности к рисованию. Ребе поддерживал Хаима, подкармливал его, давал бумагу и карандаши для рисования.

МИНСК – ВИЛЬНЮС – ПАРИЖ

Когда юноше исполнилось шестнадцать лет, он, по рекомендации ребе, вместе с другим еврейским юношей Михаилом Кикоином, который был старше его на два года, поехал в Минск учиться живописи. Тамошний художник Крюгер предлагал курс обучения живописи за три месяца.

В Минске Сутин учился взахлеб, постигая науку живописи у художника, пусть и не очень профессионального. Но для юноши из глубокого захолустья болотной Белоруссии открылся новый, прекрасный мир. Никто не подгонял его учиться – он жадно, взахлеб впитывал все, что ему преподавали. Уж очень не хотел возвращаться он опять в тесную хату и шить старье при свете керосинки.

Спустя год ребе организовал поездку Сутина и Кикоина в Вильнюс. Это было потрясение. Европейский город, где юноша увидел театр, пришел в Академию художеств, где познакомился и подружился с Пинхусом Кременем, тоже еврейским студентом. Хаиму Сутину разрешили посещать лекции в Академии, он был вольнослушателем. Обучение было нелегким, так как он не признавал общих правил, не любил отделывать рисунок, не любил копировать работы старых мастеров. Кроме этого, он был болезненно чувствителен и себялюбив, не признавал ничьих замечаний.

Помимо этого, он постепенно становился алкоголиком. Сначала это была шутка – его, полуголодного, попросту спаивали, давая на голодный желудок выпить стакан водки. Сутин, от природы хлипкий и болезненный, тяжело переносил алкоголь, затем привык и начал тяжело пить, разрушив этим печень.

В 1913 году Хаим Сутин и Михаил Кикоин отправились в Париж. Пинхас Кремень поселился там годом раньше и подробно написал друзьям о том, как интересно живет в Париже большая коммуна художников. Они поселились на Монмартре, где Сутин познакомился со скульпторами Липшицом, Архипенко, Цадкиным, с Амедео Модильяни. Хаим Сутин сразу почувствовал себя своим в этой большой интернациональной компании. Действительно, они были очень дружны – талантливые молодые люди, преданные искусству. Поляки, испанцы, итальянцы, русские – они жили одной коммуной, делили радости и горести, мечтали о славе.

Русская художница, известная под именем Маревна, жившая в этой коммуне, вспоминала о том, как впервые увидела Хаима Сутина. «Они всегда ходили втроем: молчаливый Сутин,

улыбающийся Кикоин, очаровательный маленький Кремень. Однако из всех троих наиболее сильное впечатление на меня произвел Сутин. Он был одет в широкую блузу из льняного полотна и брюки непонятной формы – это все было как бы с чужого плеча. Так же как и одежда других художников, его блузы и брюки были запачканы красками. Он выглядел плохо. Он был сутулым, с короткой шеей. Его дицо было широкоскулым и темным. Он напоминал примитивные деревянные скульптуры, вытесанные топором. Редкие волосы, подстриженные на крестьянский манер, закрывали лоб. Глаза смотрели пристально и внимательно, они были черными и глубоко посаженными. Веки были красными и припухшими. Он причмокивал во время разговора и в уголках рта собиралась слюна. У него была приятная улыбка, но она обнажала гнилые зубы, изо рта все время шел дурной запах. Руки были маленькими, розовыми и мягкими как у ребенка. Даже не верилось, что этими ручками он создает такие большие полотна».

Не правда ли, какой подробный и точный портрет? Пожалуй, это единственное словесное описание Хаима Сутина, точно воспроизводящее его внешний облик.

ПРАВО НА СТРАННОСТИ

Живопись Хаима Сутина отличается от полотен его коллег, друзей. Мир его картин полон фантазий, удивительных видений. Мистические тени, колдовство, изумительный колорит – отличительные особенности его живописи. В его пейзажах, кажется, все двигается и танцует. Его деревья похожи на деревья и не похожи, а птицы как бы и не птицы вовсе. Страхи и колдовство. Сомнения и глубокие чувства охватывают вас, когда вы смотрите его работы.

Но в этих удивительных, почти сказочных полотнах мы видим и глубокий реализм, точность воспроизведения натуры, как у Сезанна или Курбе.

Сутин, подобно Курбе, любил рисовать лес и рисовал с большой любовью и фантазией. Он писал эти картины крупными мазками. Как это делал Ван Гог в начале своего творческого пути. Его деревья – живые. Они огромны, трепещут под ветром, протягивают к вам ветви, как будто руки, которые обнимают вас. Деревья – это целый мир, мир чувств, схожий с чувствами людей.

«Критики часто спорили о том, умел ли он рисовать, знал ли классический рисунок. Трудно ответить на этот вопрос. Модильяни любил рисовать, у него была отличная школа рисунка, он рисовал так, как поют птицы, как плавают рыбы в воде. Но, наверное, недостаточно одного лишь умения рисовать. Должна быть божественная искра, именно это отличает истинного художника от ремесленника», – написал о Сутине Илья Эренбург.

Однако, справедливости ради, нужно заметить, что не у всех живопись Сутина вызывала подобную реакцию. Что же, великие люди имеют право на странности. А уж чего было предостаточно у Сутина – так это странностей!

В работе он был одержимым. Очень долго искал модель и, найдя ее, забывал обо всем. Он страшно любил рисовать куриные, индюшачьи, воловьи туши, рисовал мясо и для этого находил мясные лавки в Париже, хозяева которых позволяли ему рисовать все, что было на прилавках. Кто знает, может быть, сказались голодные годы детства и юности? Но Сутин был патологически привязан к этому мотиву.

Его друзья вспоминают, как однажды он с большим трудом приволок в студию ободранную воловью тушу и стал ее рисовать. Это длилось несколько дней. Туша завонялась, над ней начали роем кружиться мухи, соседи вызвали санитарную инспекцию. Когда пришли санитары, а затем полицейские, Сутин втолковывал им, насколько важно настоящее искусство, и умолял,

угрожал, предлагал взятки – все что угодно, лишь бы ему оставили тушу в студии.

«Посмотрите, как красиво гниет мясо, – говорил он. – Это же настоящий синий цвет!»

В 1923 году его жизнь резко изменилась к лучшему. Его работы увидел богатый американский коллекционер Альберт Барнс, купивший много его полотен. Это укрепило позицию художника в среде коллекционеров, и Сутин стал модным художником. Посыпались заказы, денег стало намного больше, однако это никак не изменило его внешнего вида.

В 1927 году состоялась его первая персональная выставка в галерее Генри Бинга и благодаря контактам с богатыми коллекционерами, он стал знаменитым. Меценаты, собиратели картин Мадлен и Марсель Костэн, всячески опекали его, предоставив ему возможность отдыхать у них в имении.

Мадлен Костэн описывает Сутина в своей книге воспоминаний: «Он выглядел, как герой книг Достоевского – вечно странно одетый даже тогда, когда у него появились деньги. Он всегда был в шляпе, которую не умел носить, она почему-то сползала на глаза, прикрывая лицо. У него появилась настоящая страсть к покупке шляп. Он приобретал их дюжинами, причем все абсолютно одного цвета и размера. Он боялся класть деньги в банк, так как опасался, что швейцар подкрадется к нему и задушит, когда он будет стоять у окна кассира.

Легендой стала необыкновенная неопрятность Сутина».

ЛЮБИТЕЛЬ «ХОРОШИХ МАНЕР»

Маревна, русская художница, дружившая с Сутиным в Париже, рассказывает, как однажды она пришла к нему в гости, когда он уже был богат и знаменит, и увидела на столе книгу, привлекшую ее внимание. Это была книга «Хорошие манеры». Она, конечно, знала, что Сутин уже богат, что у него несколько квартир, личный шофер, что он надевает к ужину шелковые черные сюртуки и что, вообще, он стал настоящим буржуа. Открыв книгу на странице, отмеченной закладкой, она прочла следующее: «Вы должны чистить зубы каждое утро и каждый вечер перед сном. Это необходимо, чтобы избежать дурного запаха изо рта. После еды возьмите зубочистку и, прикрывшись салфеткой, если вы находитесь в обществе, почистите зубы. Но никогда, ни при каких обстоятельствах не делайте этого при помощи вилки». «Ты знаешь, Маревна, – сказал Сутин, – мне эту книгу дал Оскар Мещанинов. Его отец был портным, так же, как и мой, и хотел сделать из сына портного, но Оскар был замечательным скульптором. Он приехал в Париж в 1913 году, знает все хорошие манеры, и говорит мне: «Хаим, не ковыряй вилкой в зубах».

Каждый, кто видит у меня эту книгу, начинает смеяться: это ты, с твоей мордой, хочешь быть светским человеком? А этот фрак – он тебе идет, как корове седло. Я часто слышу, как люди говорят: этот русский еврей, он сумасшедший, и картины у него тоже сумасшедшие, но он делает хорошие деньги, и когда он умрет, его картины будут стоить еще больше. Вот почему они их и покупают. Сейчас я займусь своим образованием – буду учить французский, хотя это сложно в моем возрасте. Особенно это касается хороших манер. Иногда я рыгаю за столом, ковыряюсь вилкой в зубах. Люди говорят: «Как это вульгарно!», а у нас в Смиловичах всегда для этого использовали вилки, – и Сутин заливался веселым смехом. – Ты знаешь, Маревна, когда я приехал в Париж, я был страшно наивным и простым, и все мои друзья, даже самые близкие, смеялись надо мной и рассказывали обо мне анекдоты. Я почти ничего не знал о жизни и о женщинах, у меня было очень мало денег, я мог оплатить только самых дешевых проституток. Все время я проводил в музеях и за мольбертом. Им легко было смеяться надо мной – я давал обильную пищу для издевок». И тут она вспомнила историю, которую рассказывали о Сутине и рассказала ему самому. Однажды он совершенно неожиданно для себя познакомился с очаровательной девушкой и загорелся желанием пригласить ее в

гости, но не знал как это осуществить. «Во-первых, – сказали ему, – купи зубную щетку. Затем – чистую сорочку и, наконец, положи простынь на кровать. Все вместе это должно сработать». Сутин сделал так, как его инструктировали. Девушка пришла, но очень скоро ушла безвозвратно. «Что случилось?! Что я сделал не так? – спрашивал Хаим у друзей. – Я купил зубную щетку и поставил ее в стакан. Я также купил красивую сорочку и положил ее на кресло, чтобы она видела. Я, наконец, обернул постель новой простыней, но, очевидно, она была очень дорогой женщиной и привыкла, чтобы были две простыни».

Со временем, безусловно, положение изменилось. Как только его картины начали покупать, и они поднялись в цене, вокруг Сутина появилось большое количество новых «друзей», которые, используя его любовь к выпивке, попросту спаивали его. Женщины тоже не заставили себя ждать. Вот что говорил Сутин своим друзьям, когда они расспрашивали его о новой жизни.

«Знаете, я недавно готовился принять в своей мастерской очень богатого и важного человека – это был мой заказчик. Я начал убирать в мастерской. Я заталкивал старые грязные вещи в шкафы, под кресло, даже под ковер, но они все равно вылезали наружу. Так и с богатыми людьми. Они начинают хвастаться своими хорошими манерами, но когда хорошенько выпьют – вся грязь лезет наружу. Так и с их женами и подругами. Сначала они ослепляют тебя блеском и драгоценностями, хорошими запахами и манерами, но потом, в постели, ведут себя хуже уличных девок – а этих-то я уже хорошо знаю. Это они называют «свободой». А сколько раз они предлагали мне заплатить за мои работы постелью в моей грязной мастерской! А как перепродавали мои работы, как будто это мыло или селедка».

Сколько наивного цинизма, горечи в словах художника. Да, конечно, он не был дамским угодником, каким был его близкий друг Амедео Модильяни, он был смешон в своих дорогих нарядах, он больше всего на свете любил искусство, свою живопись, а еще – близких друзей, в компании которых можно было курить дешевые табаки и разговаривать об искусстве.

Сутин знал успех и разочарование, горькие слезы и сладость побед. И все-таки судьба была милостива к нему, и он в 1937 году вместе с группой других художников был включен в число участников большой выставки, которая располагалась в Лувре. Это была честь, которой удостаивались очень немногие.

Начавшаяся вторая мировая война резко поменяла все его планы, в том числе и творческие. Пришлось отложить завершение начатых работ.

Он работал в провинции, в имении друзей, где жил вместе со

своей близкой приятельницей Гердой Гросс. Однако, когда они захотели вернуться в Париж, им было отказано на том основании, что они иностранцы. В конце концов Сутину разрешили вернуться, так как он был очень болен, врачи подозревали цирроз печени, а Герду депортировали в концлагерь, где она и умерла. Так они больше и не увидели друг друга. Герда была единственной любовью Хаима Сутина.

ВДАЛИ ОТ ПАРИЖА

Друзья Хаима Сутина приглашали его переехать в Америку на время войны, но он категорически отказался, предпочитая оставаться во Франции. Это могло показаться странным, однако немцы не преследовали его. Может быть, потому, что он был иностранцем, а возможно, потому, что нравилась его живопись. Однако Сутин уехал из Парижа, жил и работал в провинции неподалеку от Тура. Он начал большую и серьезную работу – полотно «Мать и дитя», философского направления картину, работа над которой требовала сосредоточенности.

Он все еще продолжал оставаться в одиночестве. Все его друзья, уже будучи женатыми и имея семьи, уехали из Франции, а он оставался один, посвятив себя единственному, что он любил и чему был предан – живописи.

Сутин был очень болен: в молодости, да и в более зрелые годы он страдал от страшных болей в желудке, печени – подозревали цирроз. Но он не любил лечиться, не обращался к докторам, и вдалеке от Парижа был лишен медицинской помощи.

В августе 1943-го у него был очень серьезный приступ, и он вынужден был поехать в Париж в клинику на операцию, которую ему давно предлагали сделать. Как рассказывал впоследствии его друг художник Гримм, Сутин ехал смертельно больной и проделал более двухсот километров. Он добрался до клиники профессора Оливье едва живым. Лучший парижский хирург Госсэ немедленно начал операцию. Сутин умер на операционном столе. Ему не было и пятидесяти.

* * *

Франция стала второй родиной для художника из маленького белорусского городка Смиловичи, утонувшего в топях и болотах. Какая судьба, какие ангелы-хранители сберегли для мирового искусства этого тщедушного человека, одержимого любовью к живописи?

Каким чутьем нужно было обладать, какой интуицией, чтобы, несмотря на просьбы отца, не поддаться уговорам и не посетить Россию в 1937 году, как это, к несчастью, сделал другой блистательный художник Натан Альтман.

Сутин был бродягой по натуре, он не мог долго усидеть на одном месте. Постоянно менял квартиры, студии. Но он был предан Парижу, он его любил и остался в нем навсегда на

кладбище Пер-Лашез, рядом со своим другом Амедео Модильяни.

Хаим Сутин прожил недолгую, но очень насыщенную жизнь, наполненную переживаниями, невероятными поворотами, неутомимым поиском и творчеством. Она, эта страсть к творчеству, привела нищего еврейского мальчика из маленького белорусского местечка в парижские салоны.

Картины Сутина очень своеобразны. Его трудно причислить к какому-либо из современных направлений. И тем не менее его талант покорил современников, и его полотна находятся в крупнейших музеях мира.

Другие книги серии «Лики великих»

«Жизнь в борьбе и фресках. Бен Шан»
«Русская муза парижской богемы. Маревна»
«La Divina – Божественная. Мария Каллас»
«Виртуоз от Бога. Исаак Стерн»
«Загадка доктора Барнса. Доктор Альберт Барнс»
«История великих коллекций. Пегги Гуггенхейм»
«Династия филантропов. Мозес и Уолтер Анненберг»
«Творец за дирижерским пультом. Леонард Бернстайн»
«Его называли «живой легендой». Владимир Горовиц»
«Еврейский певец негритянского народа. Джордж Гершвин»
«Он песней восславил Америку. Ирвинг Берлин»
«Его скрипка плакала и пела. Иегуди Менухин»
«Король джаза. Бенни Гудмен»
«Великий скиталец – покоритель звуков. Артур Рубинштейн»
«Еврей из Витебска – гордость Франции. Марк Шагал»
«В граните и в бронзе. Яков Эпштейн»
«Прометей, убивающий коршуна. Жак Липшиц»
«Первая леди американской скульптуры. Луис Невелсон»
«Пластика ожившего дерева. Леонард Баскин»
«Путь к славе и гибели. Марк Роцко»
«Из туземных хижин в музеи мира. Морис Стерн»
«Певец земли израильской. Рейвен Рубин»
«Мастер пластики и его Маргарита. Уильям Зорач»
«Великий портретист из Ливорно. Амадео Модильяни»
«Музыка, воплощенная в камне. Эрик Мендельсон»
«Последний импрессарио. Сол Юрок»
«Великий шоумен из маленького штеттл. Эл Джолсон»
«Шоу, любовь и… сигары. Джордж Барнс»
«И жизнь, и песни, и любовь… Эдди Фишер»

Об авторах

Елена Аркадьевна Мищенко *– профессиональный журналист, долгие годы работала на Гостелерадио Украины. С 1992 года живет в США. Окончила аспирантуру La Salle University, Philadelphia. Имеет ученую степень Магистр – Master of Art in European Culture.*

Александр Яковлевич Штейнберг *– архитектор-художник, Академик Украинской Академии архитектуры. По его проектам было построено большое количество жилых и общественных зданий в Украине. Имеет 28 премий на конкурсах, в том числе первую премию за проект мемориала в Бабьем Яру, 1967 год. С 1992 года живет в США, работает как художник-живописец. Принял участие в 28 выставках, из них 16 персональных.*

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»